

Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич

КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ И ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА РУКОПИСИ «АРХИТЕКТУРА ЦЫВИЛНАЯ»¹

Разделим исследование на две части: определение маршрута отправленных на обучение в Европу стольников и анализ авторства рукописи на основании полученных результатов.

Маршрут

9/19 марта 1697 г. в Европу выехало Великое посольство (далее – ВП). Одновременно с ним весной 1697 г. были посланы на обучение три группы стольников: одна в Англию и Голландию (22 человека) изучать военные корабли и две – в Италию (39 человек) для изучения галер. Указ Петра о выезде стольников был датирован 11/21 января 1697 г.²

По официальным документам, в составе второй южной группы, которую возглавлял князь Петр Алексеевич Голицын³, было два Долгоруковых:

– князь Григорий Федорович (07/17.10.1657–15/26.08.1723) – ехал под псевдонимом Григорий Федоров;

– князь Володимер (Владимир) Михайлович (не ранее 1660-х – 1716) – ехал под псевдонимом Володимер Михайлов.

Родство у них было весьма дальнее: Володимер Михайлович являлся шестипородным племянником Григория Федоровича⁴.

Москву они покинули вскоре после 26.02/08.03.1697 г., ибо в этот день выехал П. А. Толстой, прибывший в Вену 1 июня 1697 г.⁵ А они в Вену прибыли на неделю-две позже: между 8 и 15 июня (н. ст.) 1697 г. Эти даты определяются благодаря письмам венецианского посла Карло Рудзини дожу Венеции. К обоим письмам приложены списки прибывших в Вену московитов. В первом списке от 8 июня Долгоруковы отсутствуют (но есть Petro Andreieff – П. А. Толстой), а во втором, от 15 июня, появляются (Giorgio Federoff и Vladimiro Michalievu)⁶. А значит, и выехали Долгоруковы из Москвы на такой же срок позже Толстого – между 5/15 и 12/22 марта. Из Вены они должны были двигаться на юг, в Венецию.

Волонтеры же, среди которых находился Петр I (Петр Михайлов), вместе с ВП поехали в Голландию, где обучались кораблестроению и осматривали всякие диковинки. Среди прочего посетили анатомический кабинет Рюйша. Судя по тексту «Записок Великой особы» (Алексея Измайлова), это произошло между 31 июля и 25 сентября 1697 г.⁷ Посетители кабинета расписывались в журнале «Album amicorum». Ныне он хранится в библиотеке Амстердамского университета, и русские записи, которых

там двадцать одна, проанализировал Б. Б. Беккер в 1962 г. Все они сделаны во время ВП, кроме записи А. Матвеева, посетившего кабинет через два года. Вот их список в орфографии записи: Петръ; Алехандръ Меньшиковъ; Alexius Ismajlow; князь Осипъ Щербатовъ; Семень Бѣстужево; Аника Щербоковъ; Улянь Синявинъ; Неѳедеі Срезневъ; Иван Михаілов; Петръ Лодыженскоі; Петръ Яковлевъ; Иванъ Потемкинъ; Князь Григореі Долгорукоі; Князь Володимеръ Долгорукоі; Knez Elecsei Dalgarucoi; Иван Измаілов; Князь Иванъ Шаховъскоі; Андреі Измаіловъ; Nicolaus Herbach, Polonus⁸. Особняком стоит запись Федора Головина от 13 февраля 1698 г.

По оценке Беккера, визит был групповым и состоялся до 24 сентября 1697 г., когда был сослан Шаховской, а по сообщению Схелтемы, и до посещения ботанического сада 17 сентября 1697 г.; к этим датам склонялся и М. Богословский⁹. Нижней же границей является день въезда Великого посольства в Амстердам – 26 августа 1697 г. Таким образом, даты посещения вполне коррелируют с теми, которые выявляются из «Записок Великой особы».

Остановимся на шести нужных нам персонажах. Кроме Петра I это князя Григорий и Володимер Долгоруковы, а также Иван и Андрей Измайловы – все из южной группы. Получается, что, оказавшись в Вене в первой половине июня 1697 г., они поехали не в Венецию, а в Амстердам. Информации об этом в литературе нет.

Обратим внимание на поляка Николауса Хербача (Nicolaus Herbach), который отсутствует во всех известных нам документах. Не удалось его найти ни в польских словарях, ни в Интернете.

И, наконец, «Knez Elecsei Dalgarucoi». Но Алексей Долгоруков не числится в официальных списках. Это сын Григория, будущий несостоявшийся тесть Петра II, в те годы подросток, которого отец взял с собой для обучения.

Похоже, что Долгоруковы входили в группу, о которой пишет Флоровский: четыре кавалера из Московии прибыли в Рим, видимо, в начале 1698 г., и один из них запросил разрешения устроить своего сына в римскую семинарию. Юношу приняли в венецианскую патриаршую семинарию¹⁰.

Текст Флоровского восходит к документам, опубликованным Е. Шмуло. Вопросы обучения в римской и венецианской семинарии касаются документы от 8 февраля и 15 марта 1698 г.¹¹ Другими словами, визит в Рим состоялся в начале февраля, а прием в семинарию – в первой половине марта 1698 г. Флоровский не знает, о ком идет речь, но, по нашему мнению, скорее всего, – об Алексее Долгорукове. Он не был в группе стольников, не обязан был обучаться морскому делу, и отец вполне мог его пристроить учиться куда угодно. К тому же он единственный на сегодня известный «сын», который ездил вместе с отцом в группе стольников. Эта история раскрывает и загадку из статьи В. Корсаковой: «Вследствие... положения, которое занимал кн. Григорий Федорович, будучи с 1700 г. послом при дворе польского короля Августа, кн. Ал<ексей> Гр<игорьевич>, живший с отцом в Варшаве, вращался в тамошнем высшем обществе. <...> ...А потому вполне естественно, что кн. Ал<ексею> Гр<игорьевич>чу пришлось изучить латинский язык, чтобы не чувствовать неловкости при постоянных сношениях с послами... Неизвестно, по какому поводу и при каких обстоятельствах, но между 1700 и 1706 гг. кн. Ал<ексей> Гр<игорьевич> ездил в Италию (в Рим и на о. Мальту) и выучился там итальянскому языку. Когда в 1706 г. Петр В<еликий> собирался отправить посольство в Рим... гр. Г. И. Головкин писал Петру В<еликому>, что, по его мнению,

следует послать к папе именно кн. Алексея Долгорукова, владеющего латинским и итальянским языками...»¹² Текст из письма Головкина от 28 октября 1706 г. (ст. ст.): «За благо мы, государь, разсудили в Рим к папину двору послать князь Алексея Долгорукова, понеже оной прежде не токмо в Риме, и в Малте был, також немалое время был при отце, знает дворовое обхождение... також оной не токмо по латине, но и по итальянскии доволен»¹³.

А. Михайлов в статье о Подмокловской ротонде¹⁴ цитирует это письмо и делает вывод о том, что Алексей ездил вместе с отцом и другими стольниками.

Ну что ж, теперь мы можем подтвердить это документально и сказать, когда Алексей Долгоруков был в Италии: в 1697–1698 гг., а латинский изучал не столько в Польше, сколько в венецианской семинарии, вместе с итальянским. Дополнительным документом, подтверждающим участие Алексея Долгорукова в путешествии, является список Б. И. Куракина. Он с Григорием и Володимером Долгоруковыми оказался в группе тех, кто был послан в «Италию», и встречал там Алексея. К тому же, готовя этот документ более чем через 10 лет после событий (не ранее 1709 г.), он просто запомнил, кто из указанных лиц был официально послан, а кто поехал сам. С. Ф. Платонов этот документ опубликовал вкупе с еще одним списком того же Куракина из 19 человек, посылавшихся в 1708–1709 гг. «в Голандию учителя навигации». Там присутствует «К. Алексеи Долгоруков»¹⁵.

Не стоит игнорировать утверждение Головкина, что Алексей побывал на Мальте: в этом случае там с неизбежностью побывал вместе с ним его отец. В целом это был маршрут представителей «южной» группы. Известно, что на Мальту ездили Борис, Владимир и Василий Петровичи Шереметевы (12–20.05.1698) и П. А. Толстой (29.07–04.08.1698)¹⁶. Но о визите Долгоруковых это первое известие.

Когда они могли посетить остров? Здесь есть важный репер: по дороге с севера Италии на Мальту путешественник обязательно проедет Рим. Долгоруковы были в Риме 8 февраля, а в Венеции уже 15 марта¹⁷.

Сколько требовалось дней на дороге? Толстой ехал с Мальты в Рим 20 дней (с 4 по 23 августа), а из Рима в Венецию 10,5 суток: из Рима выехал 18 августа, а приехал в Венецию в ночь с 28 на 29 августа 1698 г.¹⁸ Итого – месяц, да еще путь из Рима на Мальту, и вместе – около 50 дней только на дорогу, не считая туристических остановок, в том числе и на самой Мальте. То же подтверждают записки Шереметева: он покинул Рим 25 июня, а в Венецию прибыл 10 июля 1698 г., то есть ехал 16 дней, в том числе трое суток (со 2 по 5 июля) провел во Флоренции, и собственно путь занял 12 дней¹⁹. А. П. Измайлов («Великая особа») ехал из Венеции в Рим 18 дней (с 30 мая по 16 июня 1698 г.), на два дня задержавшись во Флоренции, то есть чистых 16 дней²⁰.

Уложиться Долгоруковым в 36 дней (с 8 февраля до 15 марта) было бы, мягко говоря, сложно. Но тогда на Мальту они должны были ехать в январе 1698 г., в зимний бурный период, либо после марта, но тогда проделать весь путь снова, что вызывает сомнение.

В депешах апостольского нунция с Мальты первое упоминание о москвитях относится к 12 января 1698 г.: «Здесь приехали из Неаполя на фелуке четыре московских дворянина со священником ордена С. Августина, по национальности Поляком, который служит им переводчиком...», и предполагалось, что они скоро вернутся в Рим²¹.

Замечание принципиальное. Вряд ли мы ошибемся, допустив, что речь идет о все той же компании, ездившей из Вены в Амстердам, а в феврале оказавшейся в Риме, – князь Григорий Федорович и князь Володимер Михайлович Долгоруковы, Иван Петрович

и Андрей Петрович Измайловы: и сроки подходят, и численность ездивших (Алексея, за малолетством, не посчитали), да и поляк опять появляется, с описанием его статуса и функций. Думаем, речь идет о Николаусе Хербахе. Его, скорее всего, Г. Ф. Долгоруков прихватил с собой еще в Польше для переводческих услуг.

Мы в свое время заметили: «...есть сомнение в том, что вместе с Петром и группой волонтеров и стольников Рюйша посетил совершенно случайный человек. Скорее всего, это один из новых амстердамских знакомых русских путешественников»²². Сейчас мы склоняемся к тому, что он ехал с Долгоруковыми из Польши, ибо самостоятельный визит католического священника в кальвинистский Амстердам, где его в этом случае нашли стольники, значительно менее вероятен. А для польского священника, принадлежавшего к нищенствующему ордену (видимо, августинца-каноника), это – безбедное и сытое существование в течение 1,5 лет, даровое путешествие по Европе и надежда совершить религиозный подвиг: обратить своих хозяев-схизматиков в католическую веру.

Но тогда они должны были проезжать Рим по пути на юг в середине декабря 1697 г. По данным Шмурло, семь московитов упоминаются в документе от 14 декабря (суббота): они были в Риме уже 8 декабря, а во вторник, 10 декабря, осматривали церковь Сан Сальваторе в Лауро; через неделю, 21 декабря, сообщается, что «6 signori Moscoviti» осмотрели вечером предыдущей субботы (т. е. 14 декабря) папскую капеллу²³. Даты совпадают: видимо, это наши путешественники. Скорее всего, с ними были еще стольники, которые на Мальту не поехали.

При возвращении на север Италии, 8 февраля, переговоры об обучении Алексея, видимо, вел Хербах. В Венецию же приехали лишь к марту 1698 г. А покинул Хербах Долгоруковых, скорее всего, на их обратном пути в Россию через Польшу, оставшись там в первой половине 1699 г.

Проверим возможности позднего визита Долгоруковых на Мальту. В сборнике Шмурло последующие записи о пребывании московитов на этом острове касаются Б. П. Шереметева (с 10 по 24 мая). Затем, 14 июня, появляется некий «Pietro Ivan» (т. е. Петр Иванов<ич>). Это, скорее всего, стольник Петр Иванович (?) Яковлев. Последняя серия записей начинается 31 июля 1698 г., когда накануне на остров прибыла из Рима группа московитов. В документе от 2 августа утверждается, что они приехали 30 июля и были у грессмейстера ордена. 9 августа сообщается, что в понедельник (4 августа) они отъехали в Рим²⁴.

Даты совпадают с пребыванием на Мальте П. А. Толстого: 29 июля – 4 августа 1698 г. У грессмейстера он был 30 июля²⁵. Таким образом, в депеше нунция с Мальты от 2 августа под 30 июля подразумевается приезд не на остров, а к грессмейстеру.

А вот запись уже из Рима от 30 августа: «в четверг (28 августа. – Д. II. Г.) утром с Мальты вернулись 3 Московита»²⁶. Среди них явно не было Толстого, ибо он приехал в Рим 23 августа и 28 августа уже его покинул²⁷. И далее, опять с Мальты от 5 сентября 1698 г.: «Пять Московитов... покинули остров в воскресенье (31 августа. – Д. II. Г.) утром и отправились в Рим...»²⁸ Простейшие подсчеты показывают, что последняя группа из пяти человек не могла вернуться в Венецию раньше рубежа сентября-октября 1698 г. А вот первая группа из трех московитов (трое Долгоруковых?) вполне могла оказаться в Венеции 7–8 сентября 1698 г. (т. е. до важной даты 10 сентября – см. далее). Однако все-таки это были не они, ибо из агентурного донесения государственному инквизитору от 15 июля следует, что в Венеции на июль 1698 г. в одном доме проживали князь Петр

Алексеевич Голицын, князь Юрий Юрьевич Трубецкой, князь Григорий Федорович Долгоруков и Василий Петрович Шереметев²⁹. Если бы Долгоруков покинул Венецию, это было бы указано: венецианская полиция работала очень точно. Другими словами, на 15 июля он находился в Венеции и 30 июля никак не мог появиться на Мальте. Остается лишь январский визит.

Долгоруковы встречались с боярином Б. П. Шереметевым, который приезжал в Венецию. Сведений о Г. Ф. Долгорукове в записках Шереметева нет, а вот Володимера Михайловича он отмечает: тот 26 февраля 1698 г. вместе с другими стольниками присутствовал на квартире Шереметева, когда его посетил «Преосвященный Митрополит Венецианский»³⁰. Не означает ли это, что В. М. Долгоруков приехал в Венецию немного раньше Григория Федоровича, а тот из-за переговоров об устройстве сына в семинарию задержался в Риме? И не сыграл ли уже знакомый с Володимером митрополит Мелетий, тайный униат, свою роль в принятии через две недели Алексея в венецианскую семинарию, ибо для поступления в римскую семинарию требовалось принять католичество³¹, а в Венеции, где было много православных, ситуация была более терпимой?

Из записок Толстого следует, что 29.09/09.10.1698 г. Ф. А. Головин в Москве написал, а 25.10/04.11.1698 г. Толстой получил письмо с указанием возвращаться и через пять дней, 30.10/09.11.1698 г., выехал из Венеции. В Москву же прибыл 27.01/06.02.1699 г.³² Похоже, что Долгоруковы (во всяком случае, Григорий Федорович) выехали дня на два раньше Толстого, о чем можно судить по письмам подьячего М. Я. Волкова, который был в Вене и извещал о событиях великого посла П. Б. Возницына, находившегося в Карловцах. 19/29.11.1698 г. он писал: «Приехали, государь, в Вену Голицыны все, с ними ж Володимер Шереметев, и живут здесь, ждут санного пути, которой уже в сих числах почал являцца. А брат де Володимеров, Василей Шереметев с князь Григорьем Долгоруким из Венеции поехали для свободных наук во Францию в Париж»³³. Если учесть, что П. А. Толстой прибыл в Вену лишь 18/28 ноября³⁴, а на следующий день Волков сообщает, что Василий Шереметев и Григорий Долгоруков уже уехали в Париж, то и прибыть он должен был за несколько дней до Толстого. В предыдущем письме Волкова от 16/26 ноября есть такие строки: «Да князь Дмитрий Голицын сюда приехал же, ждет здесь братьев, Петра и Федора, и вскоре и они московскую дорогу воспримут. И все де из Венеции дворяня уже выехали, и никово там нет, хто выучился, и хто не выучился, все поехали к Москве, боясь, чтоб в горах снегом не запали и до весны б не удержались»³⁵. Другими словами, Григорий Долгоруков приехал сразу после написания этого письма, 26 или 27 ноября, и уже через два дня уехал во Францию. И, учитывая утверждение Волкова, с ним должны были приехать Володимер Михайлович и Алексей Григорьевич. У нас есть сомнение, что отрока оставили одного в Венеции, да и не согласуется это с утверждением Волкова, что «все де из Венеции дворяня уже выехали, и никово там нет». Второй раз отсутствие русских дворян в Венеции Волков подчеркивает в письме от 14/24 января 1699 г.: «В сих, государь, числах проехали из Венеции чрез Вену последние дворяня, три брата Милославских, сказывают, что уже никово в Венеции нет, толко де остался один князь Юрья Трубецкой, лежит немощен в Падве»³⁶. «В сих... числах» — это три дня после предыдущего письма от 11/21 января³⁷. И если бы Долгоруков оставил в Венеции своего сына, Милославские об этом, безусловно, знали бы, а Волков должен был бы сообщить Возницыну как важную информацию по личному составу ездивших на юг.

И еще одно соображение. Своего сына Григорий Федорович взял для обучения, и кажется сомнительным, что, предприняв путешествие «для наук» в Париж, Григорий Федорович мог оставить сына в Венеции, которую тот уже хорошо знал. Скорее всего, он и во Францию-то поехал не только (а может быть, и не столько) для того, чтобы обучаться самому, сколько чтобы дать образование Алексею в преддверии его будущей карьеры.

Теперь, когда разобрались с перемещениями героев, перейдем к переводу.

Авторство

«Архитектура цивилная»³⁸ – один из текстов, оставшихся от «Большой акции „ВП“». Заголовок на ее первой странице:

АРХИТЕКТУРА ЦЫВИЛ'НАЯ

**Выбрана ис Паладиуша славнаго Архитекта и із ынныхъ
многихъ Архитектовъ славныхъ о' математика и Архи
текта Кашпора Века писана въ Венеціи лѣта 1699 Году
месеца сентября _ Учениемъ и тцаниемъ Будучи тамо**

Господина кнѣзя Долгорукова А по рускому калѣндару 7206 Году

Как видим, число не стоит, оставлен пробел.

«Архитектуре цивилной» посвящено несколько исследований³⁹; в историографии она неоднократно цитируется или просто упоминается начиная с П. Пекарского, который «Века» превратил в «Вркая»⁴⁰. Уделили ей некоторое внимание и мы⁴¹.

Подчеркнем, что это перевод не книги Андреа Палладио (1508–1580), как регулярно пишут в литературе, а компилятивного сочинения некоего «Кашпора Века», взявшего за основу труд Палладио и добавившего информацию из других архитектурных работ. По гипотезе В. Шилкова, речь идет о римском архитекторе Гаспаре де Векки (?–1643). А. Тиц, вслед за Долгоруковым, добавляет, что Векки не только архитектор, но и математик, однако считает, что у него Долгоруков позаимствовал лишь раздел о построении эллипсовидных кривых⁴². Если догадка Тица и Шилкова верна, то это архитектор Gaspare (Gaspard) de Vecchi (15??–03.07.1643)⁴³, сын художника Джованни ди Борго Сан-Сеполькро (Giovanni di Borgo San Sepolcro), работавшего в Риме с 1558 г. Присутствие Гаспара де Векки в Риме задокументировано с 17 декабря 1614 г. Он много работал с Карло Мадерно. Среди прочего, между 1628 и 1630 гг. перестроил главную капеллу церкви Санта Мария Лорето (Santa Maria di Loreto). Другие постройки: фонтан на площади Санта Мария Маджоре (Fontana di Piazza di Santa Maria Maggiore), Коллегия неофитов и оглашенных (Collegio dei Neofiti e Catecumeni, 1634–1637); Дворец пропаганды (Palazzo di Propaganda Fide, 1639–1643); церковь Санти Винченцо и Анастасио (Santi Vincenzo ed Anastasio, 1640–1643); монастырь Сретения – Коллегия Сан Витторе (Monastero della Purificazione – Collegio San Vittore, 1643); церковь Санта Мария Сретения (Santa Maria della Purificazione, 1643)⁴⁴. Но ни в одной из просмотренных нами баз библиографических данных (итальянские и французские национальные и университетские библиотеки, Библиотека Конгресса, книги в Google и др.) нет изданий Палладио, которые бы готовил Каспар (Гаспар) Векки, а также книг самого Векки. Тогда, скорее всего, речь идет не о книге, а о рукописи учебного характера. И искать ее надо в архивах и библиотеках Венеции и, возможно, Рима. Удивительно, что ни А. Тиц, ни А. Михайлов (превративший «Палладиуша» в «Палладиум»), ни В. Шилков даже не ставят проблему поиска оригинала перевода.

В гипотезе об авторстве Гаспара Векки не должно смущать, что он умер в 1643 г., а его рукопись была переведена лишь 55 лет спустя. Это может говорить о том, что она просто где-то бережно хранилась. Библиографический поиск приводит еще к одному заключению: в Венеции в 1606–1630 гг. действовал издатель Алессандро де Векки (Alessandro de' Vecchi)⁴⁵, который в 1629 г. опубликовал Витрувия⁴⁶. Издатели в ту эпоху, как правило, владели собственными книготорговыми лавками. Отсюда вопросы: нет ли какой-либо связи между этими двумя де Векки – архитектором и издателем архитектурного трактата? Не сохранялась ли в Венеции в конце XVII в. книготорговая лавка наследников де Векки, где продавались архитектурные книги и гравированные чертежи? Именно там могла находиться неопубликованная рукопись, впрочем, как и образцы для чертежей, которые Долгоруков использовал в своем переводе.

Федерика Росси идентифицирует автора оригинала как венецианского архитектора Антонио Гаспари / Каспари (Antonio Gaspari / Caspari, 1670 – ок. / после 1730) или, в крайнем случае, как Глана Джакомо Гаспари (Glan Giacomo Gaspari), чья деятельность в Венеции зафиксирована несколько ранее (1678), но который вполне мог встречаться «с русским князем»⁴⁷. Единственным аргументом в пользу этих идентификаций является физическое присутствие архитекторов с фамилией Гаспари в Венеции на момент пребывания там Долгорукова. Однако, с одной стороны, автором оригинала мог быть уже давно ушедший из жизни человек. А с другой – для этих гипотез надо было имя архитектора (четко указанное Долгоруковым именно как имя) переделать в фамилию, а фамилию либо прозвище (Веки) отбросить как ошибочную.

При этом у нас есть сомнение в адекватности транслитерации «Капшора Века», стоящего в заголовке перевода, как «Kašpora Vekia» («Gaspare Vecchia»)⁴⁸. Долгоруков написал окончание фамилии в родительном падеже не в виде «-иа» или «-ia», а в виде йотированного малого юса, который в то время уже однозначно читался как «я», а не «иа» (ср. с другими использованиями этой буквы в заголовке), то есть перед нами не «Векия» (точнее, «Векья» от «Vecchia»), а «Века», что в именительном падеже соответствует фамилии «Веки» («Векки» от «Vecchi»). Ну а архитектор именно с таким сочетанием имени и фамилии (прозвища), как мы видели, был. Долгоруков оказывается точен. Отметим также, что в годы его пребывания в Венеции там работал Gaspare della Vecchia (1653–1735). Однако это был венецианский художник и музыкант, а не архитектор (хотя и математик)⁴⁹, и до появления новой информации нет достаточных оснований считать, что он мог иметь отношение к созданию архитектурной рукописи. При этом de Vecchi и della Vecchia – это две разные фамилии, хотя одного этимологического происхождения. Другой вопрос, что во время пребывания в Венеции Долгоруков мог брать уроки и у Антонио Гаспари, и у Глана Джакомо Гаспари – тут Федерика Росси права, но с авторством рукописи это не связано.

Анализ писем М. Волкова в свое время убедил нас, что Долгоруковым, который мог хотя бы теоретически находиться в Венеции в сентябре 1699 г., был лишь Володимер Михайлович (о его возвращении из Венеции в 1698 г., в отличие от других стольников, нет никаких данных, а соображения об Алексее мы привели выше), а, значит, в этом случае только он и мог быть автором рукописи⁵⁰. Этому заключению как будто противоречит фраза о нем П. Шереметева: «В 1698 году, следовательно, по возвращении из-за границы, был пожалован комнатным стольником и наместником Ростовским»⁵¹. Однако, похоже, он был назначен заочно, еще будучи в путешествии.

И лишь копия первого листа рукописи заставила нас усомниться в этом построении, ибо две датировки, сделанные автором по двум летоисчислениям и календарям, не соответствуют друг другу: 1699 г. – это не 7206 г. от Сотворения мира, а 7207/08, а 7206 год – это 1697/98 от Рождества Христова. По нашему мнению, русский православный автор мог скорее ошибиться в европейском летоисчислении, чем в русском. Однако к моменту подготовки окончательной версии рукописи он прожил в Европе уже 1,5 года и должен был освоиться с датировками. Другими словами, чтобы он ошибся, требовалась экстраординарная ситуация. Ну что ж, такая была: новолетие по «русскому» летоисчислению. Вопрос для русского восприятия тяжелейший, тем более вкупе с двумя разными календарями (стилями). Так, новолетие русское – сентябрьское (с 1 сентября по ст. ст.), а в большинстве стран – январское (с 1 января по н. ст., что соответствовало 22 декабря по ст. ст.; а там, где считали по юлианскому календарю, это – 11 января по григорианскому), в Венеции же – мартовское (с 1 марта по н. ст. или 19 (20) февраля по ст. ст.). А если в Голландии Долгорукову попадались английские газеты, то там датировка шла по юлианскому календарю и благовещенскому году, начинавшемуся 25 марта / 4 апреля. Было отчего закружиться голове. Похоже, автор просто ошибочно решил, что в Венеции 1 сентября тоже наступает новый год, т. е. 1699-й, а отсутствие точного числа по григорианскому календарю наводит на мысль, что он не совсем знал, что должен написать. Не забудем также, что стольники и волонтеры ВП впервые в массовом порядке осваивали арабскую нумерацию. Они о ней знали и ранее, но в России чаще использовалась славянская кирилличная. И это тоже создавало дополнительное напряжение, способствовавшее ошибке.

При выборе года у нас есть только три варианта:

а) 1699 г., который не соответствует 7206-му и который мы по этой причине отвергаем (косвенным подтверждением адекватности этой операции служат цитировавшиеся выше письма Волкова, согласно которым к началу января 1699 г. никого из русских дворян в Венеции не осталось, а значит, осенью 1699 г. никто из них не мог там заканчивать рукопись);

б) 1697 г., когда все трое Долгоруковых находились в Голландии, еще не знали итальянского и никак не могли подготовить рукопись;

в) остается 1698 г. Но ведь и его сентябрь, на первый взгляд, не соответствует 7206 г., закончившемуся 31 августа (ст. ст.). Обратим внимание, что название месяца «сентябрь» стоит только после года, указанного от Рождества Христова, – 1699. А после года от Сотворения мира («по рускому календарю») – 7206 – указания на месяц нет, и он мог быть другой, ибо, благодаря разнице юлианского и григорианского календарей, у нас есть временной промежуток в 10 дней – с 22 по 31 августа (ст. ст.) 7206 г., они же 1–10 сентября (н. ст.) 1698 г., когда 7206 г. соответствует сентябрю 1698-го.

Вот в эти даты, скорее всего, и была начата переписыванием с черновиков чистовая версия рукописи. Обратим внимание, что она не имеет титульного листа. Другими словами, заголовок писался до того, как был каллиграфическим почерком перебелен текст, то есть закончена работа была много позже, и это могло послужить одной из причин, по которой место для даты осталось незаполненным.

Итак, кто автор перевода? Начнем с того, что переводчик должен был в дальнейшем проявить определенный интерес к архитектуре. Такой опыт не проходит бесследно.

П. Пекарский, который ввел эту рукопись в научный оборот, говорил о двух Долгоруковых, посетивших Италию⁵², но их было трое. К тому же А. Тиц пишет, что

автором мог быть Василий Лукич Долгоруков (1670/72?–1739), который семнадцати лет поехал в Париж в посольской свите своего дяди, Я. Ф. Долгорукова, и остался там для «усовершенствования себя в языках и науках»⁵³. Но Тиц обрывает цитату Корсаковой: «...и пробыл там тринадцать лет, до 1700 года»⁵⁴, забывает об этом сказать и не дает ссылки, откуда он ее взял. Таким образом, исходя из того источника, которым пользовался Тиц, нет никаких оснований считать, что Василий Лукич мог сидеть в Венеции и переводить архитектурные трактаты. Нам не удалось найти ни одного другого документа, который подтверждал бы подобную версию или указывал, что тот вообще посетил в эти годы Италию. А значит, из четырех кандидатов на авторство Василий Лукич Долгоруков явно выпадает. Остаются трое.

А. Михайлов, убедившись, что никого из официально посланных стольников в Венеции в сентябре 1699 г. уже не было, приходит к выводу, что был «какой-то третий Долгоруков-князь» и он «еще весь 1699 год по сентябрь занимался в Венеции изучением „цивильной архитектуры“». А найдя в «Письмах и бумагах» приведенное выше письмо Г. И. Головкина, выясняет, что Алексей Долгоруков побывал в Риме и на Мальте. И далее, выдавая желаемое за действительное, делает вывод: «Из слов Головкина можно заключить, что молодой Алексей Долгоруков совершил поездку по Италии вместе с отцом в 1697–1698 годах... и вместе с отцом жил в Венеции, где учился архитектуре, оставшись для этого на некоторое время»⁵⁵. Та часть текста, которую мы выделили курсивом и на которой Михайлов строит свои выводы об авторстве Алексея, никак не следует из письма Головкина и является чистым артефактом. Отрок Алексей учился не архитектуре, а другим наукам – в семинарии, которая не является строительным учебным заведением. Выявление же ошибки в датах на первом листе рукописи вообще превращает всю эту аргументацию в ничто: рукопись была закончена в 1698 г., когда стольники еще присутствовали в Венеции. Однако то, что у Михайлова заявлено лишь в качестве гипотезы, В. В. Кириллов представляет уже как доказанный факт⁵⁶.

Возможность авторства Алексея Долгорукова, которое предположил Михайлов, более чем сомнительна. Мы не знаем года его рождения, но во время путешествия он – отрок, подросток «школьного возраста», как сказали бы сегодня. Ему не более 14–15 лет, и он ни в чьих письмах не выступает как самостоятельный персонаж – только как сын одного из московских дворян. Перевалил он возраст недоросля (15 лет) на момент отъезда, то был бы официально послан в составе одной из групп стольников. Более того, с конца 1700-го или с 1701 г. он жил с отцом в Варшаве⁵⁷ – то есть и тогда был еще слишком юн для самостоятельной деятельности. А такой перевод – отнюдь не работа подростка. В противном случае подобный талант с неизбежностью проявился бы в дальнейшем – или в переводах (чем занимались многие из окружения Петра, начиная с Брюса и Шафирова), или в организации строительного дела, по крайней мере в качестве заказчика. Однако своей блестящей карьерой Алексей был обязан скорее родственным связям, чем собственным способностям. В основном известен своим коварством (именно он погубил Меншикова, благоволившего к нему в эпоху Екатерины I), недостойным поведением и казнокрадством в эпоху Петра II. Характеризуется в историографии как человек ограниченный⁵⁸.

В отличие от него, В. М. Долгоруков ничем себя не запятнал, просто потому, что оказался совершенно незаметной личностью, что тоже никак не соотносится с тем интеллектуальным «выбросом», который требовался для подготовки рукописи «Архитектуры цивильной».

В этой ситуации самым вероятным кандидатом на авторство оказывается и самый яркий из трех, ездивших в Италию, – Г. Ф. Долгоруков, вошедший в число пяти-шести крупнейших петровских дипломатов. Да и интерес к архитектуре проявил именно он, оставив после себя удивительную церковь в Подмоклово⁵⁹. В этом случае понятно, почему его имя не встречается среди «морских учеников» у Марка Мартиновича, Ивана Лазоревича или Ивана Карстели: основное внимание Григорий Федорович уделил не корабельной, а гражданской архитектуре. Ну а рукопись он, скорее всего, мог найти в мастерской у какого-нибудь архитектора, дававшего ему уроки.

Впрочем, разгадка авторства может лежать и в другой плоскости. Если при Г. Ф. Долгорукове в течение весны-лета 1698 г. оставался в качестве переводчика Николаус Хербх (а мы думаем, что это именно так), то почему мы должны отказывать последнему в участии в столь важном деле по специальности, ради которой его и держали, – в переводе? Скорее всего, он оказывал помощь своему патрону. Интересно, есть ли полонизмы в языке перевода? Вспомним отсылки к польскому опыту у Тица: «Можно предполагать, что князь Долгоруков кроме итальянских книг пользовался и польскими, так как в рукописи в нескольких местах есть замечания: „а посполите делают так-то“»⁶⁰. С таким же успехом можно утверждать, что это были не книги, а находившийся рядом помощник.

Но в любом случае участие еще одного человека в переводе снимает вопрос, который хотя и висел в воздухе, но в литературе, похоже, напрямую не ставился: как человек, только что начавший изучать язык, смог за несколько месяцев осуществить перевод серьезной профессиональной книги, не имея даже простейшего словаря? Для Долгорукова работа над переводом была не только результатом обучения языку, но и методом этого обучения. Но тогда в ходе этой работы кто-то должен был его постоянно консультировать. Не выступал ли Хербх таковым «живым словарем» и наставником обучавшегося переводчика? Знал ли сам Хербх итальянский язык? Скорее знал, хотя бы немного, и, возможно, не только итальянский. Иначе зачем Долгорукову, ехавшему в Италию, было брать его в качестве переводчика?

А как они общались между собой?

Попробуем разобраться, какими языками владел сам Г. Ф. Долгоруков. Н. А. Евсина отмечает: «Г. Ф. Долгоруков знал, по одним сведениям, хорошо лишь польский язык и плохо латынь, за что и не был отпущен в Париж, а назначен послом в Варшаву; по другим – немного латынь, итальянский и французский языки»⁶¹ – и дает ссылки на Н. Г. Устрялова и «Великую особу»⁶² с ошибками в страницах, что отчасти поправила позднее⁶³. Из примечаний И. Ф. Горбунова к «Журналу путешествия...»: «...князь Григорий Федорович Долгоруков... знал с грехом пополам латынь, да польский язык... с дрезденскими министрами не мог непосредственно входить в сношения, не говоря по-немецки»⁶⁴. Автор этих пассажей, написанных через 180 лет после событий и данных без каких-либо ссылок, – актер и прозаик, но никак не профессиональный историк. А вот свидетельство генерала Алларта в письме к Августу II от 25.10/02.11.1700 из-под Нарвы. Долгоруков был назначен посланником к Августу, и Алларт описывает этого дипломата: «...он... может немного говорить на латыни, французском и итальянском»⁶⁵. Л. Н. Алларт – француз, гугенот, очень образованный человек, и определить, владел ли его собеседник французским, итальянским и латинским, мог без проблем. А вот польским Алларт не владел и ничего об этих познаниях дипломата сказать не мог. Свидетельство о знании Долгоруковым итальянского подтверждает, что он мог быть

переводчиком «Архитектуры цивильной», а вот некоторое знание французского он приобрел явно в ходе своего путешествия в Париж из Вены в ноябре 1698 г.

Есть еще как минимум три свидетельства. Безымянный для нас немецкий дипломат писал 25 августа (н. ст.?) 1711 г.: «Он говорит по Латински как Римлянин»⁶⁶.

А вот свидетельство от 27 апреля 1717 г. де Либуа (de Libou), французского комиссара при Петре I при въезде его во Францию: «...князь Долгоруков... не понимает решительно никакого языка кроме русского»⁶⁷. Оно противоречит остальным только на первый взгляд. За 19 лет Долгоруков французский явно подзабыл, а немецкого (которым, судя по другим характеристикам, владел Либуа) не знал. По всей видимости, латинский, польский и итальянский находились вне пределов знаний французского вельможи, и потому для него Долгоруков владел только русским.

И, наконец, доклад самого Г. Ф. Долгорукова от 23 октября 1709 г.: «Переводчика языка немецкого для разговору с королевским величеством и с министры саксонскими и другаго языка польского для корреспонденции с поляки и переводу польских писем, також и подьячих, нужно (иметь)»⁶⁸.

Отсюда следует, что немецким Долгоруков не владел, даже устным; владел польским устным, а вот о польском письменном сказать не можем ничего: если переписка велась на польском языке, ему был нужен секретарь.

Однако для нас важно не столько какими языками Долгоруков владел в 1709-м или 1717 г., а какими он мог владеть при отъезде из России в 1697 г. Оставшись сиротой в 7 лет, он в 11 лет в чине стольника (с 1668 г.) был взят во дворец, где и получил образование⁶⁹. Он был ровесником царевны Софьи и старше царевичей Федора и Ивана Алексеевичей. Их всех обучал Симеон Полоцкий – богослов и поэт польского происхождения, свободно владевший русским, польским и латынью. Мы не знаем, в какой степени Григорий Федорович овладел двумя последними языками, но они в любом случае должны были быть ему знакомы. И тогда становится понятным выбор Долгоруковым польского священника Хербаха: тот должен был владеть польским и латинским в качестве базовых – то есть языковое поле было достаточным, чтобы эти два человека понимали друг друга. Ну а 1,5 года, проведенные в тесном контакте с Хербахом, должны были усовершенствовать познания князя в обоих этих языках, а сам Хербах, видимо, что-то стал понимать по-русски, если ранее не владел этим языком.

Это позволяет представить механизм действия «живого словаря». Непонятные итальянские слова Хербах мог переводить на один из этих языков или на их макаронический гибрид, а уже Долгоруков искал русские эквиваленты или использовал неологизмы. Таким образом, переводчиков на русский язык было двое: основным являлся Г. Ф. Долгоруков, а вторым, тем неизбежным персонажем, без которого перевод бы не состоялся, – Николаус Хербах.

И последний вопрос в связи с авторством перевода: чертежи в рукописи. Их насчитывается семьдесят три. Вот оценка их Тицем: «Следует особо отметить прекрасное графическое выполнение чертежей, которые значительно выше рисунков, приведенных в первых изданиях Палладио и Виньола. <...> Изображения ордеров исполнены в масштабе с помощью рейсфедера и циркуля»⁷⁰. У нас есть сомнение, что русский князь, никогда не обучавшийся архитектурной графике, мог выполнить за короткий срок такой объем работы на столь профессиональном уровне и не оставить за последующие 25 лет своей жизни ни одного другого архитектурного чертежа. Маловероятно также, что чертежи

делал монах Хербач: все-таки у него другая профессия (хотя мы не знаем, кем он был в светской жизни). Но, скорее всего, чертежи были заказаны там, где Долгоруков получил рукопись для перевода, – в чьей-то архитектурной (например, Антонио Гаспари) или художественной (делла Веккья) мастерской или книготорговой архитектурной лавке.

Общий вывод

Князь Григорий Федорович Долгоруков является наиболее вероятным автором перевода «Архитектуры цивилной» – рукописного архитектурного пособия, составленного Каспаром де Векки на основании трудов Палладио и «финныхъ многихъ Архитектовъ». Скорее всего, помогал ему в переводе монах ордена св. Августина (августинец-каноник) поляк Николаус Хербач. Приобретенное Г. Ф. Долгоруковым в ходе этой работы знание должно было очень сильно повлиять на облик знаменитой церкви в с. Подмоклово, где он был хозяином. Допускаем, что архитектурный проект для храма не готовился специально, а был получен в ходе приспособления и корректировки проекта какого-то сооружения, чертежи которого (или гравированные листы с чертежами) Долгоруков мог привезти из-за границы – еще из Венеции либо, позднее, из Польши.

- ¹ Благодарим Софью Карабинскую, Марио Корти (Mario Corti), прот. Дионисия Крюкова, Г. А. Лаптеву, Марио ди Сальво (Maria di Salvo) за помощь в работе. Даты без указания стиля даны по новому стилю.
- ² Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699. М., 1992. С. 5, 302.
- ³ ПИБ. СПб., 1887. Т. 1. С. 134–135, 610–611.
- ⁴ Дворянские роды Российской империи, 1721–1917. СПб., 1993. Т. 1. С. 189, 198.
- ⁵ Толстой П. А. Путешествие ... по Европе. С. 7–8, 37.
- ⁶ Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 258, 260, 265, 267–268.
- ⁷ Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы // Россия и Запад : горизонты взаимопознания. М., 2000. Вып. 1. С. 184–185.
- ⁸ Беккер Б. Б. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Firenze, 1962. P. 93–103.
- ⁹ Богословский М. М. Петр I : материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 173–174.
- ¹⁰ Флоровский А. Московские навигаторы в Венеции в 1697–1698 гг. и римская церковь // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 194–199.
- ¹¹ Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 343, 349–350.
- ¹² Корсакова В. Долгоруков (Долгорукий), князь, Алексей Григорьевич // РБС. СПб., 1905. Т. 6 : Дабелов – Дядьковский. С. 500.
- ¹³ ПИБ. СПб., 1900. Т. 4, [ч. 2 : Примечания]. С. 1202.
- ¹⁴ Михайлов А. Подмокловская ротонда и классические веяния в искусстве петровского времени // Искусство. 1985. № 9. С. 64–70.
- ¹⁵ Платонов С. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский: 1697–1720 // Доклады АН СССР. Сер. ист. и филос. 1929. № 12. С. 236–243.
- ¹⁶ Толстой П. А. Путешествие ... по Европе. С. 157–174; Шереметев Б. П. Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства : 1697–1699 // Россия и Запад : горизонты взаимопознания. Вып. 1. С. 122–139.
- ¹⁷ Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 343, 349–350.
- ¹⁸ Толстой П. А. Путешествие... по Европе. С. 173, 188, 226, 239.
- ¹⁹ Шереметев Б. П. Записка путешествия ... С. 146–148.

- ²⁰ *Гузевич Д. Ю.* Путевые записки Великой особы (1697–1699) : критическая история публикаций и проблема авторства. Saarbrücken, 2012. С. 76.
- ²¹ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 334.
- ²² *Гузевич Д. Ю., Гузевич П. Д.* Великое посольство : рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб., 2008. С. 423; *Гузевич Д. Ю.* Путевые записки Великой особы. С. 35.
- ²³ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 321, 323–324.
- ²⁴ Там же. С. 370, 372–373, 375, 386, 392, 502, 515.
- ²⁵ *Толстой П. А.* Путешествие ... по Европе. С. 158.
- ²⁶ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 528.
- ²⁷ *Толстой П. А.* Путешествие ... по Европе. С. 188–226.
- ²⁸ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 531.
- ²⁹ Там же. С. 426.
- ³⁰ *Шереметев Б. П.* Записка путешествия ... С. 100.
- ³¹ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 343.
- ³² *Толстой П. А.* Путешествие ... по Европе. С. 239–248.
- ³³ РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). 1698. Д. 69. Л. 37.
- ³⁴ *Толстой П. А.* Путешествие ... по Европе. С. 244.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). 1698. Д. 69. Л. 34.
- ³⁶ Там же. Л. 85.
- ³⁷ Там же. Л. 80.
- ³⁸ Паладиус, славный архитект. Архитектура цивиланаіа // РГАДА. Ф. 181. 1699 г. Д. 258/463. 92 л. Чистовой экземпляр рукописи.
- ³⁹ По хронологии: *Шилков В.* Русский перевод Витрувия начала XVIII века // Архитектурное наследство. 1955. Т. 7. С. 89–92; *Тиц А.* Неизвестный русский трактат по архитектуре // Русское искусство XVIII века : материалы и исслед. М., 1968. С. 17–31; *Евсти Н. А.*: 1) Из истории архитектурных взглядов и теории начала XVIII века // Русское искусство первой четверти XVIII века : материалы и исслед. М., 1974. С. 10, 14, 17, 20, 22–23; 2) Архитектурная теория в России XVIII в. М., 1975. С. 31–32, 66; *Михайлов А.* Подмоковская ротонда и классические веяния в искусстве петровского времени // Искусство. 1985. № 9. С. 64–70; *Rossi F.* Palladio in Russia : Nikolaj L'vov architetto e intellettuale russo al tramonto dei lumi. Venezia, 2010. P. 229–234.
- ⁴⁰ По хронологии: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 220; *Брайцева О. И.* Новые конструктивные приемы в русской архитектуре конца XVII – начала XVIII века // Архитектурное наследство. 1960. № 12. С. 152; *Ревзина Ю. Е.* Русские архитектурные книги XVIII века среди европейских изданий // Архитектура мира : материалы конф. «Запад – Восток : искусство композиции в истории архитектуры». М., 1993. Вып. 2. С. 49, 54; *Кириллов В. В.*: 1) Классические тенденции формообразования в архитектуре Подмоковья петровского времени // Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1994. С. 17; 2) На переломе от средневековья к новому времени : русская модель европеизации архитектуры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. 1997. № 2. С. 69.
- ⁴¹ *Gouzevitch I.*: 1) Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe : fin du XVe – début du XIXe siècles : Thèse de doct. en hist. des techn. / Dir. A. Guillerme ; Univ. de Paris VIII. Paris, 2001. Т. 1. P. 261–262; 2) De la Moscovie à l'Empire russe : le transfert des savoirs européens // SABIX. Palaiseau, 2003. № 33. P. 89–90; *Гузевич Д. Ю., Гузевич П. Д.*: 1) Великое посольство. С. 318, 360, 406; 2) Первое европейское путешествие царя Петра : аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006. СПб., 2008. С. 360, 445, 458, 512, 603, 696, 795, 814; *Гузевич Д. Ю.* Путевые записки Великой особы. С. 4, 89, 92, 137, 153.
- ⁴² *Тиц А.* Неизвестный русский трактат по архитектуре. С. 27.
- ⁴³ См. о нем также: *Kahn-Rossi M., Francioli M.* Museo cantonale d'arte. Lugano, 1999. P. 224; *Tuzi S.* Il palazzo della Sapienza. Roma, 2012. P. 112.
- ⁴⁴ По хронологии: *Deseine F. J.* Description de la ville de Rome ... Lyon, 1690. Т. 3. P. 394–395;

- Vasi M.* Itinéraire instructif de Rome ... Rome, 1792. P. 344; *Bardaro Grella M. A.* De Vecchi, Gaspare // Dizionario Biografico degli Italiani. 1991. Vol. 39. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/gaspere-de-vecchi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/gaspere-de-vecchi_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 15.08.2016); Gaspare de Vecchi // Info Roma. URL: https://www.info.roma.it/personaggi_dettaglio.asp?ID_personaggi=333 (дата обращения: 15.08.2016).
- ⁴⁵ Alessandro de' Vecchi: Vecchi, Alessandro de', imp. (Venecia) // The Online Books Page. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/browse?type=atitle&key=Veblen%2C%20Thorstein%2C%201857%2D1929%3A%20The%20Vested%20Interests%20and%20the%20State%20of%20the%20Industrial%20Arts%20-%28%22The%20Modern%20Point%20of%20View%20and%20the%20New%20Order%22%29&c=x> (дата обращения: 22.05.2016); Appresso Alessandro de' Vecchi // Internet archive. Open Library. URL: https://openlibrary.org/publishers/Appresso_Alessandro_de'_Vecchi; (дата обращения: 15.08.2016).
- ⁴⁶ *Vitruvius.* I dieci libri dell'architettura di M. Vitruvio, tradotti, & commentati da monsig. Daniel Barbaro ... in Venetia, appresso Alessandro de'Vecchi, MDCXXIX (1629).
- ⁴⁷ *Rossi F.* Palladio in Russia. P. 229.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ См. о нем: Della Vecchia, Pietro // Dizionario Biografico degli Italiani. 1989. Vol. 37. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-della-vecchia_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-della-vecchia_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 17.02.2020); *Grassi M. de.* Dipinti inediti di Gaspare della Vecchia in Istria // Arte in Friuli, Arte a Trieste. 1999. Vol. 18/19. P. 221–224; Regata a Venezia after Gasparo Vecchia by Alessandro della Via // Artnet. URL: <http://www.artnet.com/artists/alessandro-della-via/regata-a-venezias-after-gasparo-vecchia-wavjWhEJf4uQyOGM0P0VNg2> (дата обращения: 15.08.2016).
- ⁵⁰ *Гузевич А. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. С. 318, 360, 623–624.
- ⁵¹ *Шереметев П. С., зр.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М., 1913 [обл. 1914]. Т. 1. С. 147.
- ⁵² *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. С. 220.
- ⁵³ *Тиц А.* Неизвестный русский трактат по архитектуре. С. 18.
- ⁵⁴ *Корсакова В.* Долгоруков (Долгорукий), князь, Василий Лукич // РБС. СПб., 1905. Т. 6 : Дабелов – Дядьковский. С. 511.
- ⁵⁵ *Михайлов А.* Подмокловская ротонда ... С. 67.
- ⁵⁶ *Кириллов В. В.* Классические тенденции формирования в архитектуре Подмосковья петровского времени. С. 17.
- ⁵⁷ *Корсакова В.* Долгоруков ... Алексей Григорьевич. С. 500.
- ⁵⁸ Дворянские роды Российской империи. Т. 1. С. 192.
- ⁵⁹ Такие же аргументы см.: *Зубарев В. В.* Храм-ротонда в селе Подмоклово // Памятники русской архитектуры и монументального искусства : пространство и пластика. М., 1991. С. 118; *Пилипенко А. П.* История создания // Храм Рождества Богородицы. Подмоклово. URL: <http://www.hram-podmoklovo.ru/history/x1> (дата обращения: 17.02.2020).
- ⁶⁰ *Тиц А.* Неизвестный русский трактат по архитектуре. С. 20.
- ⁶¹ *Евсина Н. А.* Из истории архитектурных взглядов ... С. 23.
- ⁶² *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4, ч. 2. С. 7–9, 173; Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы / сообщ. с примеч. И. Ф. Горбунов // Русская старина. 1879. Т. 25, № 5, май. С. 103.
- ⁶³ *Евсина Н. А.* Архитектурная теория в России XVIII в. С. 66.
- ⁶⁴ Журнал путешествия ... С. 104.
- ⁶⁵ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. С. 173; *Hallart L. N. von.* Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700 : mit einem Schlachtplan. Reval, 1894. S. 43.
- ⁶⁶ Дипломатическое донесение о Петре Великом и его дворе // Лицей. 1806. Ч. 4, кн. 2. С. 82.
- ⁶⁷ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 164.
- ⁶⁸ ПнБ. М., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 439.
- ⁶⁹ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика : материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. 1, ч. 3. С. 19–20, 41.
- ⁷⁰ *Тиц А.* Неизвестный русский трактат по архитектуре. С. 19–20.